

УДК 821.111(73)–311.6
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-2

Л.В. ПАСЬКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент Центра научных исследований и преподавания
иностранных языков Национальной академии наук Украины (г. Киев)*

INTER ARMA SILENT MUSAE:¹ О СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1860–1870-х гг.

В статье анализируются факторы, определившие специфику американской литературы 60–70-х гг. XIX в., и особенности формирования книжного рынка тех лет. Показано, что в кратком временном срезе произошло небывалое смешение понятий и явлений самого разного порядка: идеологических, эстетических, философских, политических. Исследуются обстоятельства, в результате которых американская литература оказалась неподготовленной к восприятию трагической действительности.

Ключевые слова: романтическое сознание, областническая литература, местный колорит, реалистическая эстетика, идеология, политическая мода, Бостонская школа.

У статті аналізуються фактори, які визначили стан американської літератури в 60–70-х рр. XIX ст. та вплинули на формування книжкового ринку цього періоду. У сучасному літературознавстві утвердилася цілком об'єктивна точка зору на літературну ситуацію 1860–1870-х рр. у США як на період кризи романтичного світогляду, рубіж у розвитку американської літератури, який стався під впливом творів найкращих представників європейської реалістичної школи і визначив її поворот в бік реалізму. Але, як і будь-яке інше узагальнення, ця теза дає вкрай однобічне уявлення про загальну літературну ситуацію, що склалася в Сполучених Штатах у цей період. Гостро відчувалася потреба у нових формах та методах відтворення дійсності, які б відповідали духовним потребам часу, новому етапу розвитку американського суспільства. Ці нові тенденції виникли у літературі не відразу, а як наслідок взаємопроникнення та тривалої еволюції художніх елементів та принципів реалістичної та романтичної поетики, традиції якої в американській літературі були дуже живучі. Внаслідок цього з'явився особливий тип оповідання – не романтичний, не реалістичний, а перехідний для обох цих методів, причому він виявився результатом взаємодії не лише романтичної та реалістичної естетик, а й, значною мірою, результатом ідеології того періоду, даниною політичній моді. У країні запанував цілковитий хаос ідей та відчуттів, породжених війною. Американська література 1860–1870-х рр. характеризувалася складною взаємодією найрізноманітніших явищ: сентиментальності довоєнної прози, традиції витонченості, відродження легенди про Кавалерів та лицарську мужність, елементів готики, ідей аболіціоністського руху, хоча і послабленого, але все ще досить значущого явища, та зародків реалізму. Протягом короткого відтинку часу виникла безпрецедентна суміш понять та явищ абсолютно різного стибу: ідеологічних, естетичних, філософських та політичних. І це хаотичне нашарування не стільки літературних течій, скільки превалюючих літературних стилів, естетичних та ідеологічних пристрастей рівною мірою вплинуло як на північний, так і на південний роман. До яких наслідків це призвело і як вони були сприйняті найвідомішими письменниками того часу, і розповідає ця стаття.

Ключові слова: романтичний світогляд, обласницька література, місцевий колорит, реалістична естетика, ідеологія, політична мода, Бостонська школа.

В отечественном и американском литературоведении утвердился достаточно объективный, с нашей точки зрения, взгляд на Гражданскую войну как на период кризиса романтического сознания, рубеж в развитии американской литературы, обозначивший её поворот к реализму. Однако, как и любое другое обобщение, этот

¹ Inter arma silent Musae (лат.) – Когда говорят пушки, музы молчат.

тезис даєт крайне одностороннее представление об общей литературной ситуации, сложившейся в США после окончания войны. Коренные изменения, затронувшие социальную и политическую сферы жизни нации, не оставили в стороне литературу. Настоятельно ощущалась необходимость новых художественных форм и методов освоения действительности, которые отвечали бы запросам времени, соответствовали очередному этапу в развитии американского общества.

Под влиянием достижений величайших мастеров европейской реалистической школы – О. де Бальзака, Стендаля (Анри Мари Бейля), У.М. Теккерея, Ч. Диккенса, Г. Ибсена, Л.Н. Толстого, Т. Харди – и как обобщение богатых традиций устного народного творчества (прежде всего народного юмора) и аболиционистского движения в американской литературе начали утверждаться принципы эстетики реализма. Обострённое внимание к сложнейшим социальным и общественно-политическим процессам, охватившим страну после войны, и, одновременно, интерес к обыденной, повседневной жизни, морально-психологическим проблемам определили реалистическую направленность творчества таких писателей второй половины XIX в., как Генри Джеймс, Уильям Дин Хоуэллс, Джон Уильям Де Форест, Марк Твен, Стивен Крейн. Определённым этапом в утверждении реалистических тенденций в областной литературе стало правдивое «живописание обычаев, нравов и языка» [1, с. 407] представителями школы «местного колорита»: Брет Гартом, Хэмлингом Гарлендом, Сарой Орн Джуитт, Мэри Ноэллис Мэрфри, а также Джорджем Вашингтоном Кейблом, Джоэлем Чэндлером Харрисом и Кейт Шопен, у которых «передача специфики места» выступает составной частью более широкой, универсальной концепции действительности» [2, с. 23].

Однако новые явления возникли в американской литературе не вдруг, а в результате взаимопроникновения и длительной эволюции художественных элементов и принципов реалистической и романтической поэтики, традиции которой в американской литературе были очень живучи. В результате сложился особый «тип повествования, который не был ни романтическим, ни реалистическим, а переходным для двух этих методов...» [3, р. 23]. Причём его можно считать не только продуктом взаимодействия романтической и реалистической эстетики, но в значительной степени порождением идеологии данного периода или данью политической моде. Ведь после насыщенных событиями 1850-х гг. (принятие закона о беглых рабах, компромисс «Канзас-Небраска», казнь Джона Брауна) в стране воцарился полный хаос мыслей и чувств, порождённый войной. При этом, по свидетельству Лесли Фидлера, у «Civil War Romance», защищавшего дело Конфедерации, было гораздо больше шансов стать бестселлером: людям «свойственно сентиментальничать по поводу тех, кто потерпел поражение» [4, р. 153].

Американская литература 1860–1870-х гг. характеризовалась сложным взаимодействием очень разнородных явлений. Сентиментальность довоенной прозы и «традиция утончённости», зародившаяся в недрах «Бостонской школы» последователей «браминов», которые присвоили себе «роль судей высшей инстанции по делам американской литературы» [5, с. 91], сочетались со значительно ослабевшим, но всё ещё представлявшим общественно значимую силу аболиционистским движением (романы Луизы Мэй Олкотт или Йеремии Клеменса). А элементы готики и возрождение «легенды о кавалерах и рыцарской доблести» (произведения Д.И. Кука) поразительным образом сосуществовали с теми «ростками реализма», которые уже в этот период проникли в американский роман (произведения Г. Морфорда и Д.У. Де Фореста). В кратком временном срезе произошло небывалое до тех пор смешение понятий и явлений самого разного порядка: идеологических, эстетических, философских и политических [6, с. 36]. И это хаотичное наложение не литературных течений, а доминирующих литературных вкусов, эстетических и идеологических пристрастий в равной степени затронуло как северный, так и южный роман («Личная ответственность. История великих преобразований» Ипеса Сарджента, «Семья Макдональдов, или Пепелища домов южан. История похода Шермана» Уильяма Генри Пека). Таким образом, американская литература 1860–70-х гг. была порождением компромиссов: между старым и новым, между литературой интеллектуальной (своеобразным идеологическим центром которой стал журнал «Атлантик Мансли») и популярной, тяготевшей к традиционному жанру «готансе» (средоточием её были журналы «Нью-Йорк Леджер», «Норф Американ Ревью», а с 1871 г. и «Сауверн Мэгезин»).

Роман, выдержанный в духе сентиментальных произведений довоенных лет, не только не утратил своих позиций, но приобрёл ещё большую популярность. В его проблематике не было полемической заострённости, а сюжет чаще всего сводился к мелодраме. Причину небывалого расцвета сентиментальности в литературе середины XIX ст. историки американской литературы видят в том, что роман куперовской традиции, предоставлявший небывалые возможности для изображения походов протагониста, не мог быть «идеальной формой для прославления достоинств современного общества, основанного на рабстве. Приходилось защищать не мужество и отвагу героя или щёголя-аристократа, а систему социальных отношений – пасторальное царство благонравного феодального порядка. Наиболее эффективной оказалась здесь сентиментальная традиция» [1, с. 144–145].

Американская литература первой половины XIX в. выкристаллизовала образ божеественно прекрасной героини романа, а пуританская мораль строго очертила для неё рамки дозволенного в проявлении чувств. По поводу таких героинь Карл Ван Дорен сказал, что именно они, будучи потенциальными читательницами, «устанавливали границы в освещении сексуальных вопросов, за которые роман не мог переступить» [7, р. 209]. Поскольку традиционный южный уклад ограничивал сферу женской компетенции исключительно домом, героине этих произведений отводилась чисто «орнаментальная роль» в повествовании. Она появлялась в начале романа, а затем «возникала» лишь в конце, чтобы к удовольствию читателей воссоединиться со своим возлюбленным. Этот неизменный «happy end», столь импонирующий «утончённой» читательской аудитории анализируемого периода, восходил ещё к национальному мифу о «Новом Адаме», заведомо «обречённом» на счастье в Новом свете.

В произведениях этого периода очень часто использовался такой композиционный приём, как «затруднённый брак», который станет самым распространённым в «Civil War Romance» XIX ст. В основе его – конфликт между чувством и долгом, между любовью к стороннице противоположного лагеря и преданностью своему региону: Лили Равенел – капитан Колберн («Мисс Равенел уходит к северянам», 1867) Дж.У. Де Фореста, Эллис – Кларенс Брант («Кларенс», 1895) Ф. Брет Гарта, Маргарет Дин – Чэд Буфорд («Маленький посланец иного мира», 1903) Д. Фокса и др. Мотив трагической любви, препятствием которой служит различное общественное положение или непримиримость враждующих лагерей, не случайно чаще всего использовался в роли пружины для развития сюжета. Этот тип художественного конфликта позволял раскрыть психологический контекст описываемой эпохи, её внутренний драматизм. Любовь квартиронки к белому аристократу или офицеру-северянину, например, – излюбленная тема Анны Элизабет Дикинсон («Каков ответ?», 1868) и Лидии Марии Френсис Чайлд («Романтическая республика», 1867). Неразрешённость антинормы чувства и долга, личного и общественного начал, восходящая к поэтике классицизма, относится к числу «вечных» конфликтов. Классическим примером его реализации можно считать «Историю Тома Джонса, найдёныша» Г. Филдинга и многочисленные романы В. Скотта (напр., «Роб Рой», «Вудсток», «Талисман», «Айвенго» и др.). Очевидно, «вечностью» подобных коллизий можно объяснить плодотворность данного типа конфликта в произведениях о Гражданской войне романов двадцатого столетия: дочь виргинского плантатора Луиза Кейбл Риджли – офицер-федералист Дэвид Декстер («Бронированные гиганты», 1980 Ван Вик Мейсона), дочь фермера-южанина Кальпурния – лейтенант северян («Таверна в Элькхорне», 1980 Дугласа Джоунза) и др.

Однако ощущению реальности конфликта, его подлинного драматизма мешал утвердившийся в американской литературе культ прекрасного и возвышенного. «Традиция утончённости» не допускала изображения трагических сторон войны, проникновения в её сущность. Таким образом, реальная действительность вступала в явное противоречие с приёмами её воссоздания в американской прозе: «Идеальный герой или героиня, созданный по канонам, установленным в американском романе, мог появиться лишь в мелодраме, а не в трагедии». «Парализующий эффект» культа утончённости и идеализации проявился в неспособности литературы отвечать потребностям времени – отразить подлинную моральную атмосферу военных лет. Роман «как серьёзный жанр» был поставлен на «грань банкротства» [8, с. 74–75]. «Табу» на изображение реальных, а не идеализированных героев, подлинной, а не «скроенной» по определённым образцам жизни, сковало развитие

всего художественного творчества в США. Облик реальной войны, взволновавший Эмброза Бирса, укрепивший веру Уолта Уитмена в простого человека, был слишком обескураживающим для литературы тех лет. Она оказалась неподготовленной к восприятию трагической действительности.

Однако, помимо указанных тенденций, определивших идейно-художественное своеобразие американской литературы 60–70-х гг. XIX ст., значительное влияние на общую тональность прозы тех лет, на формирование книжного рынка оказали и факторы иного порядка. В годы войны и последовавшей за ней Реконструкции произошла значительная «феминизация» жизни страны, особенно южных штатов, в результате которой в литературу пришло огромное число непрофессиональных писательниц. Издательства были наводнены наспех написанными произведениями «на злобу дня». По подсчётам Ричарда Лайвли, около половины всех романов о войне было создано писательницами (преимущественно южанками) [9, с. 23]. Объяснение этому социокультурному феномену не может быть однозначным. В значительной степени, это было следствием успеха движение «феминизма». По свидетельству историков литературы, на Юге в этот период уровень образования женской аудитории был чрезвычайно высок. Это способствовало большому притоку женщин высших слоёв общества в литературу, а также определило структурный состав читательской аудитории, оказавшей значительное влияние на литературный рынок [1, с. 43]. Немалую роль сыграли и так называемые реформистские «женские журналы», издававшиеся на Севере («Сибил», «Артурз лейдиз хоум мэгезин», «Лейдиз репозитори»). Они помещали на своих страницах политические комментарии о ходе боевых действий, призывали к широкому вовлечению женщин в движение за политические и экономические реформы. В публикациях этих журналов утверждалось, что рабство способствовало упадку «южной цивилизации», деградации высших слоёв южного общества. Реформистская пресса признавала за женщинами не только роль матери, жены, хранительницы домашнего очага, но и активных борцов за победу в войне. Основной акцент делался на роль женщин как граждан в преобразовании общества. Характерно, что уже в 1865 г. в журнале «Лейдиз репозитори» измена южан провозглашалась «непростительным грехом», который Юг будет искупать долгие годы [10, с. 39]. Поскольку большинство «женских журналов» имело просеверную ориентацию (издавались они, преимущественно, в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии), в годы войны они потеряли большую часть своих южных подписчиков. Южанам нужна была трибуна для пропаганды взглядов своего лагеря. И хотя в 1871–1875 гг. в Балтиморе стал издаваться «Саузерн мэгезин», продолжавший традиции довоенной южной литературы, в качестве арены для своей пропагандистской деятельности они избрали литературу. Для Юга, не желавшего смириться с поражением в войне, вступление на литературную стезю многочисленных романисток тех лет стало попыткой «литературной реабилитации» «проигранного дела» («lost cause»). Лозунги южных Кавалеров, пафос их борьбы был перенесён в литературу, где писательницы Юга яростно отстаивали своё «правое дело».

В годы войны человек вне партии приравнивался к человеку без родины [11, с. 44]. Ярко выраженная пропагандистская направленность произведений военных лет требовала от писателя чёткой политической ориентации. Однако именно это обстоятельство отстранило от проблематики Гражданской войны многих талантливых писателей, считавших художественное творчество не совместимым с политикой. В 1867 г. Уильям Дин Хоуэллс писал: «...наша война оставила нам не только бремя огромного национального долга, но и возложила большую ответственность на литературу, с которой последняя до сих пор плохо справляется» [12, с. 121]. Слова У.Д. Хоуэллса относились, прежде всего, к поколению американских писателей, вступивших в литературу в 60-х гг. XIX ст. (Марк Твен, Генри Джеймс, сам Хоуэллс и др.), а также к общепризнанным авторитетам американской литературы: Г. Мелвиллу, Г. Адамсу, Г. Джеймсу, У.К. Брайэнту, О.У. Холмсу. По разным причинам – мировоззренческим, эстетическим, идеологическим – Гражданская война почти не затронула творчество многих талантливых писателей «старой» и «новой» школы американской литературы [13, с. 199]. По мнению Джеймса Кокса, «великим писателям – будь то романист, поэт или историк» – предстояло самим определиться, переносить ли реальную жизнь в мир воображаемый и станет ли война опытом их существования [14, с. 185].

Натаниэль Готорн в 1850-х гг. жил и работал за границей и не был очевидцем потрясений этого десятилетия, а по возвращении на родину в 1860 г. так и не смог чётко определить свою позицию. В начале войны в одном из писем (от 16 мая 1861 г.) он писал: «Если бы пришлось выбирать, я бы выступил на стороне северян» [15, с. 91; 96–97]. Однако вскоре трагические реалии войны побудили его усомниться в разумности доводов аболиционистов. Отношение Натаниэля Готорна к происходящему нельзя назвать политической индифферентностью. Это было резкое неприятие действительности, притупившее в нём желание писать. В июле 1862 г. в ежемесячном журнале «Атлантик мансли», который с 1857 г. издавался в Бостоне, он опубликовал пространное эссе «Преимущественно о военных делах» («Chiefly About War-Matters»), в котором описал свои впечатления от посещения Вашингтона и Виргинии, а также встречи с президентом Линкольном. Но это эссе мало напоминало путевые заметки. По словам Цинтии Уочтелл, Н. Готорн откровенно «издевается над всем сокровенным и осмеивает всё мирское». Он не щадит ни генералов, ни солдат, и вместо прославления их героизма и выражения скорби в адрес погибших доводит свой «чёрный юмор до уничижительного эффекта» [16]: «Когда природа не наделяет молодого человека никакими другими явными способностями, она, по всей видимости, уготовила ему участь быть солдатом» [17]. О казни Джона Брауна Н. Готорн написал, что «ещё никого не вешали настолько обоснованно», поскольку «любой здравомыслящий человек, если смотреть на этот вопрос без сентиментальности, должен был почувствовать интеллектуальное удовлетворение, увидев его повешенным» [17]. А некоторые комментарии писателя кажутся откровенно кощунственными: «Пуля настолько быстро и просто – через крошечное отверстие – даёт возможность измученной душе воспользоваться случаем испустить дух» [17]. Подобная позиция Н. Готорна вызвала резкое неприятие его друзей, а также ближайшего окружения. Н. Готорн и сам осознавал, что его взгляды вызовут резкое неприятие просеверной читательской аудитории журнала «Атлантик мансли» [18, с. 149]. В начале 1863 г. он отправил в Англию письмо своему другу, Генри Брайту, в котором жаловался, что сторонники войны не считают его лояльным человеком, открыто обвиняя в предательстве [16].

У Германа Мелвилла война, обострившая противоречия американской демократии, лишь усугубила ощущение неистребимости «вселенского зла», присутствующего как природе, так и обществу. В итогах войны он увидел пародию на демократические идеалы и устремления «Нового света». В своих размышлениях о судьбе американской нации и «особой» роли Юга, которые нашли отражение в сборнике стихов «Батальные сцены и разные стороны войны» («Battle-Pieces and Aspects of the War», 1866) и в эпической поэме «Клэрел» (1876), Г. Мелвилл поставил под сомнение необходимость кровопролития на Потомаке (стихотворения: «Размышления», «Конфликт убеждений»). Читатели и критики неоднозначно восприняли эти произведения писателя. Показательным является тот факт, что на 13 февраля 1868 г. было продано лишь 486 из 1260 изданных копий его стихов о войне [19, с. 422]. В отличие от членов своей семьи, сам Г. Мелвилл не принимал участия в военных действиях, был на фронте только один раз во время своей краткой поездки в 1864 г., а информацию о происходящем черпал из журналистских сводок [20, с. 54]. У.Д. Хоуэллс, редактор журнала «Атлантик», в феврале 1867 г. опубликовал резко критическую рецензию на военные стихи Г. Мелвилла [21, с. 115–116]. Все его персонажи, пишет Хоуэллс, «кажутся настолько же отстранёнными от реальной жизни, как и он сам». А «негативные достоинства» этой работы проявляются настолько, «что она не только не напоминает вам поэзию, которую вы когда-либо читали, но и жизнь, которую вы все знаете» [22]. Не согласен с подобной точкой зрения американский профессор Стэнтон Гарнер. Он считает, что и интеллектуально, и психологически Г. Мелвилл настолько проникся глубиной национальной трагедии, что у читателей невольно возникал вопрос, откуда писатель, который не был очевидцем всех тех событий, черпал материал, который питал его вдохновение: «Это справедливый вопрос, – пишет автор, – и цель этой книги – ответить на него» [23, с. 2]. Отдельный раздел своей монографии С. Гарнер посвятил анализу сборника «Батальные сцены и

разные стороны войны». Одним из аргументов автора в пользу его гипотезы является то, что именно этот стихотворный сборник прервал многолетнее творческое молчание Г. Мелвилла. По мнению С. Гарнера, Г. Мелвилл пытался отойти от сиюминутной оценки событий, которые легли в его основу, чтобы дать более взвешенную, осознанную их характеристику [23 с. 388]. Подобную точку зрения разделяет и М. Джалал. Он считает, что поэзия Г. Мелвилла не получила должной оценки, вызвав некое замешательство в среде литературных критиков. Причину этого он видит в том, что в «Батальных сценах и разных сторонах войны» писатель проявил себя и как поэт, и как романист, использовал «широкий круг тем, характеров и тональностей, которые приводили в замешательство критиков и нарушали единство книги», но при этом создали «полифоническую, или драматическую поэзию» [24, р. 71]. Но даже после таких публикаций в литературной критике возобладало мнение о том, что именно отчужденность Г. Мелвилла от предмета его изображения привела к тому, что после его смерти его поэзия была практически забыта [25].

Когда началась война, брат двадцатитрёхлетнего Генри Адамса, Чарльз Френсис младший, и многие из его друзей записались добровольцами в армию. Но Генри Адамс предпочёл работать личным секретарём своего отца, которого Линкольн направил на государственную службу в Англию. За ходом событий он наблюдал из Лондона. Некоторые отголоски войны можно найти в его романе «Демократия» (1880), но это лишь элегические картины прошлого, всплывающие в сознании сестры героини, Сибиллы [26].

Уильяму Дину Хоуэллсу исполнилось 24 года, когда началась война. По словам Уильяма Соммерса, «многие его близкие друзья сразу же пошли в армию добровольцами». Подобная мысль, по мнению У. Соммерса, могла возникнуть и у самого Хоуэллса, но, «очевидно, ему удалось успокоить свою совесть, убедив себя в том, что войну можно вести и на дипломатическом фронте» [27]. Вскоре после начала военных действий, в 1861 г., У.Д. Хоуэллс отбыл в Венецию консулом Соединённых Штатов. Ещё до отъезда за границу он писал в одном из своих писем о намерении создать роман, «действие которого происходит в ...столице в тот критический момент, когда началась запись первых волонтёров на войну...» [28 с. 20]. Но замысел этот так и остался не воплощённым. Вероятно, военная проза, поступавшая в редакцию журнала «Атлантик монсли», редактором которого вплоть до 1881 г. был У.Д. Хоуэллс, противоречила его творческому кредо и не могла вдохновить писателя на осуществление первоначальных намерений. И хотя в своё время он обвинял Г. Мелвилла «в отстранённости от реальной жизни», именно «У.Д. Хоуэллс, некогда известный, а потом практически забытый, ... всегда оставался отчуждённым. Он наблюдал и писал, практически не вмешиваясь в политику» [29, с. 6]. Именно поэтому его даже называли «реалистом, который избегает реальности» [30]. Биограф писателя считал, что У.Д. Хоуэллс чисто психологически не допускал мысли о воинской службе. Когда он уехал консулом в Венецию, «он, вероятно, поставил личные амбиции выше долга перед нацией», и «чувство вины, связанное с Гражданской войной, преследовало его до конца жизни» [13, с. 199].

У Сэмюэля Ленгхорна Клеменса, по свидетельству историков литературы, отношение к войне было очень сложным [31]. Он вырос в традиционном семействе «старого, доброго Юга», в котором представление о рабстве было как о чём-то «справедливым, праведном, священном». А посягательство на уклад столь привычной для него жизни воспринималось как «катастрофа и вызывало скептицизм в отношении новых, пусть и великих идей, которые отстаивали проповедники и политики» [32, с. 4]. Чтобы отстоять своё «правое дело», он сначала с оружием в руках стал на сторону Конфедерации. Но уже через две недели дезертировал и долгое время скрывался на Западе, чтобы избежать серьёзного наказания (либо повешение, либо конфискация имущества). Свой поступок он впоследствии объяснял тем, что совершенно не разбирался в политике, а война для него оказалась жестоким разочарованием. Работая в разных газетах, в начале 1863 г. он взял себе псевдоним Марк Твен. Затем, под влиянием своего брата-аболициониста, неоднократно выступал в поддержку федерального правительства, а впоследствии занял пацифистскую позицию [33]. Вскоре, после окончания боевых действий, Марк Твен написал два рассказа-пародии на во-

енную литературу тех лет: «Подлинная история великого говяжьего контракта» («*The Facts in the Case of the Great Beef Contract, 1867*») и «Сиамские близнецы» («*Personal Habits of the Siamese Twins, 1868*») [34]. Комическая завязка первого рассказа постепенно перерастает в острую социальную сатиру с элементами гротеска. Показывая злоклучения нескольких поколений «счастливых» обладателей говяжьего контракта Джона Уилсона Макензи, Марк Твен подвергает резкой критике многочисленные бюрократические препоны, которые могут свести на нет любые благие начинания. Во втором рассказе, «Сиамские близнецы», эффект комической стилизации явно преобладает над элементами сатиры: «*Во время войны они принадлежали к разным партиям, но оба сражались с одинаковой храбростью: Энг – на стороне юнионистов, а Чанг – на стороне конфедератов. Недалеко от Севен-Окса один взял другого в плен. Но, поскольку доказательства этого пленения у каждого из них были совершенно одинаковые, пришлось созывать Генеральный военный совет, чтобы решить, кто именно из них взял в плен, а кто – взят. Совет долго не мог прийти к окончательному решению, но, в конце концов, согласились признать их обоих пленными, а затем – произвести взаимный обмен*» [35].

Особо следует остановиться на том отклике, который события тех лет нашли в произведениях Уолта Уитмена. «Певец простого народа», как его называют, хотел видеть обновлённую Америку, достойную трагических жертв Гражданской войны. Поэт был убеждён, что если американское общество не осознает уникальную и неповторимую индивидуальность каждой отдельной личности, не станет на путь подлинно демократического расцвета нации, то все жертвы войны окажутся напрасными, поскольку будут преданы такому же забвению, как идеалы гуманизма. Однако в послевоенной действительности Соединённых Штатов Америки вырисовывалась совсем иная модель будущего. Исследователи творчества У. Уитмена отмечают, что неудовлетворённость поэта перспективами развития страны проявилась в том, что он стал выступать «пророком прошлого» [36, с. 278]. В его послевоенных стихах возникает последняя и самая пронзительная тема – «боль и долг памяти», которая в художественном отношении выразилась в появлении нового поэтического образа – «лунного света» – символа утраченных надежд [36]. Военный опыт поэта нашёл отражение в ряде новых стихотворений, которые, подобно лунному свету, были рассеяны по «Листьям травы» («*Leaves of Grass*») [37], сделав тему войны всепоглощающей. Она проникла во все стихотворения книги, окрасив их мотивом искупления вины перед многочисленными жертвами за неосуществлённые идеалы [36, с. 121].

По мнению У. Уитмена, проникнуться всей глубиной народной трагедии можно было лишь на поле брани или в лазаретах. Но именно эта сторона войны была неприемлема для «утончённой» литературы 1860–70-х гг. XIX ст. А целая плеяда выдающихся американских писателей военного поколения оказалась безучастной к катаклизмам тех лет.

В ноябре 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны, корреспондент газеты «Нью Йорк Таймз» попросил У.Д. Хоуэллса оценить, как отразится начавшаяся война на литературе. Хоуэллс ответил «очень просто, без лишних эмоций, как будто речь шла о какой-то знакомой аксиоме: “Когда говорят пушки, музы молчат” (“*War Stops Literature*”)» [38, с. 1–2]. Он добавил, что не верит, что великие события порождают великую литературу. По его мнению, это касалось и американской литературы о Гражданской войне, поскольку любая война – это переворот от цивилизации к варварству. За Гражданской войной в США последовала экспансия – интеллектуальная, социальная, экономическая. Война не даёт поэту, романисту, драматургу сам литературный материал, она не наделяет человека творческими возможностями. «Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю огромное количество книг, которые она породила, – вспоминает Хоуэллс, – я осознаю, что думаю о том, что уже забыто. Все эти многочисленные стихи и рассказы, созданные в таком количестве и казавшиеся такими важными в 60-х... Мы читали их тогда, когда они были написаны, но сейчас, очевидно, их никто не читает. Они были литературой, но то, о чём они были написаны, перестало представлять художественный интерес» [38, с. 3–4]. Именно это, на наш взгляд, имел в виду Рейнхард Айзенс, когда писал о том, что особенностью художественного отображения историче-

ских событий является то, что они воспринимаются в парадигмах времени [39]. Меняющееся со временем сознание людей склонно идеализировать или даже «мифологизировать» историческое прошлое, либо, в силу тех или иных причин, предавать его забвению. В американской литературе события Гражданской войны превратились в миф, который, как нечто непреходящее, не подлежит оспариванию, но, применительно к художественному творчеству, имеет право на сугубо личностное его восприятие. Так и создаются легенды.

Список использованной литературы

1. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3-х томах / под ред. Р.Л. Спиллера, У. Торпа, Г.М. Джонсона, Г.С. Кэнби. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977–1979. – Т. 2. – 526 с.
2. Яценко В.И. Литература Юга США. 1865–1900 гг. / В.И. Яценко. – Иваново: ИвГУ, 1984. – 79 с.
3. Pattee F.L. A History of American Literature since 1870 / F.L. Pattee. – New York: Cooper Square Publishers, 1968. – 447 p.
4. Fiedler L. Love and Death in the American Novel / L. Fiedler. – New York: Criterion Books, 1960. – 603 p.
5. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени её возникновения до 1920 года: в 3-х томах / В.Л. Паррингтон / пер. с англ., ред. и коммент. В. Маликова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962–1963. – Т. III. – 600 с.
6. Романтические традиции американской литературы 19 века и современность / отв. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Наука, 1982. – 351 с.
7. Van Doren C. The American Novel / C. Van Doren. – New York: The Macmillan Company, 1945. – 406 p.
8. Smith H.N. Democracy and the Novel. Popular Resistance to Classic American Writers / H.N. Smith. – New York: Oxford University Press, 1978. – 204 p.
9. Lively R.A. Fiction Fights the Civil War. An Unfinished Chapter in the Literary History of the American History / R.A. Lively. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – 240 p.
10. Endres K.L. The Women's Press in the Civil War: A Portrait of Patriotism, Propaganda, and Prodding / K.L. Endres // Civil War History. – 1984. – March. – Vol. 29. – No. 1. – P. 31–53.
11. Aaron D. The Unwritten War. American Writers and the Civil War / D. Aaron. – New York: Alfred A. Knopf, 2003. – 385 p.
12. The Atlantic Monthly. – 1867. – July. – Vol. XX. – No. CXVII. – P. 120–122.
13. Crowley J.W. Howells's Obscure Hurt / John W. Crowley // Journal of American Studies. – Vol. 9. – No. 2. – August, 1975. – P. 199–211.
14. Cox J.M. Walt Whitman, Mark Twain and the Civil War / J.M. Cox // The Sewanee Review. – Vol. 69. – No. 2. – April – June. – 1961. – P. 185–204.
15. Stewart R. Hawthorne and the Civil War / R. Stewart // Studies in Philology. – 1937. – January. – Vol. XXXIV. – No. 1. – P. 91–106.
16. Wachtell C. Nathaniel Hawthorne's Funny Civil War / C. Wachtell // The New York Times. – 2013. – May 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/05/17/nathaniel-hawthornes-funny-civil-war/> (последнее обращение 10.03.2020).
17. Hawthorne N. Chiefly About War Matters by a Peaceable Man / N. Hawthorne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eldritchpress.org/nh/cawm.html> (последнее обращение 10.03.2020).
18. Moore T.R. Hawthorn as Essayist: Our Old Home and "Chiefly About War Matters" / Thomas R. Moore // Critical Insights: Nathaniel Hawthorne. – Ed. J.T. Lynch. – N.J.: Salem Press, Inc., 2009. – P. 133–157.
19. Scholnick R.J. Politics and Poetics: The Reception of Melville's 'Battle-Pieces and Aspects of the War' / Robert J. Scholnick // American Literature. – Vol. 49. – No. 3. – Nov. 1977. – P. 422–430.

20. Hsu H. War, Ekphrasis, and Elliptical Form in Melville's "Battle-Pieces" / H. Hsu // *Nineteenth-Century Studies*. – Penn State University Press, 2002. – P. 51–71.
21. Dikant T. "Shedding a Little Ink": Melville's Victorian War Poetry / Th. Dikant // "Leviathan" – *A Journal of Melville Studies*. – Vol. 21. – No. 3. – Oct. 2019. – P. 115–132.
22. Howells W.D. Reviews and Literary Notices. A Review by William Dean Howells of Herman Melville's "Battle-Pieces and Aspects" and Aspects of War" / W.D. Howells // *The Atlantic*. – 1867. – February Issue [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://theatlantic.com/magazine/archive/1867/02/reviews-and-literary-notice/308618/> (последнее обращение 10.03.2020).
23. Garner S. *The Civil War World of Herman Melville* / S. Garner. – Kansas: University Press of Kansas, 1993. – 560 p.
24. Jamal M. "Battle-Pieces and Aspects of the War" – The Novelist as Poet: A Study in the Dramatic Poetry of Herman Melville / M. Jamal // *American Studies International*. – Vol. 39. – No. 2. – Jun. 2001. – P. 71–85.
25. Barkhorn E. Herman Melville's Mediocre Civil War Poetry / E. Barkhorn // *The Atlantic*. – August 1. – 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://theatlantic.com/entertainment/archive/2011/08/herman-melvilles-mediocre-civil-war-poetry/242887/> (последнее обращение 10.03.2020).
26. McHugh C. Henry Adams. American Historian / Ch. McHugh // *Encyclopedia Britannica*. – (Updated – March, 2020) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://britannica.com/biography/Henry-Adams-American-historian> (последнее обращение 10.03.2020).
27. Sommers W. William Dean Howells as the Civil War Consul in Venice / W. Sommers // *American Diplomacy*. – June 2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://american-diplomacy.web.unc.edu/2014/06/william-dean-howells-as-the-civil-war-consul-in-venice/> (последнее обращение 10.03.2020).
28. Smith R.W. *The Civil War and its Aftermath in American Fiction, 1861–1899* / R.W. Smith. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 57 p.
29. White R. *The Republic for Which It Stands. The United States during Reconstruction and the Gilded Age, 1865–1896* / R. White. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 968 p.
30. Parks E.W. A Realist Avoids Reality: W.D. Howells and the Civil War // *E.W. Parks // South Atlantic Quarterly*. – 52 (1953). – P. 93–97.
31. Eckman M.V. Mark Twain and the American Civil War / M.V. Eckman // *Mark Twain Journal*. – Spring / Fall 2013. – Vol. 51. – No. 1/2. – P. 86–97.
32. Fulton J.B. *The Reconstruction of Mark Twain: How a Confederate Bushwhacker Became the Lincoln of our Literature (Conflicting Worlds: New Dimensions of the American Civil War)* / J.B. Fulton. – New York: LSU Press, 2011. – 256 p.
33. Brooks R.B. Mark Twain's Civil War Experience / R.B. Brooks // *Civil War Saga*. – October 5, 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://civilwarsaga.com/mark-twains-civil-war-experience/> (последнее обращение 10.03.2020).
34. Twain M. *The Complete Short Stories of Mark Twain* / Mark Twain. – Ed. by Charles Neider. – New York: Bantam Classics, 1984. – 848 p.
35. Twain M. Personal Habits of the Siamese Twins / M. Twain [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://twain.lib.virginia.edu/Wilson/Siamese.html> (последнее обращение 10.03.2020).
36. Thomas M.W. *The Lunar Light of Whitman's Poetry* / M.W. Thomas. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1987. – 313 p.
37. Whitman W. *Leaves of Grass* / W. Whitman. – Simon Schuster. – August 1st, 2006. – 624 p.
38. Howells W.D. *War Stops Literature* / W.D. Howells // *Literature in the Making by some of its Makers* (Ed. by Joyce Kilmer). – New York: Andesite Press, 2015. – P. 1–5.
39. Isensee R. Fiction as Reconstruction of History: Narratives of the Civil War in American Literature / R. Isensee // *American Studies Journal*. – Sept. 2009. – Vol. 5. – No. 53 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://asjournal.org/53-2009/narratives-of-the-civil-war-in-american-literature/> (последнее обращение 10.03.2020).